

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

XXI

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ



Москва
2021

УДК 811.16/811.17+39

ББК 81

Б 207

Редакционная коллегия:

А. В. Андронов, П. М. Аркадьев, Б. Вимер, П. У. Дини, В. А. Дыбо
(*отв. редактор серии*), *М. В. Завьялова (секретарь), К. А. Кожанов,*
Б. Лаумане, Е. Л. Назарова, М. В. Ослон, С. И. Рыжакова,
Б. Стундзя, Т. М. Судник, А. Хольфут, Т. В. Цивьян, У. Шмальшитц

Утверждено к печати Учёным советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 1 заседания Учёного совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 28.IX.2021)

Оригинал-макет:

С. Г. Болотов

Б 207 Балто-славянские исследования – XXI: Сб. науч. трудов. —
М., 2021. — 430 с. DOI: 10.31168/2658-5766.2021.21 (выпуск)

ISSN-13: 977-2658-576-00-8

ISBN-13: 978-5-7576-0459-6

ISSN-8: 2658-576-6

ISBN-10: 5-7576-0459-X

В сборнике представлены статьи ведущих специалистов в области балто-славянских языковых и этноязыковых контактов из России, Белоруссии, Литвы, Латвии, Италии. Статьи посвящены сравнительно-историческому и историко-типологическому анализу фонетики, лексики и грамматики балтийских и славянских языков на индоевропейском фоне, языковым контактам балтов и славян, особенностям балтийских языков с синхронной точки зрения, проблемам социолингвистики и этнолингвистики, исторической текстологии, мифологии, фольклору и их преломлению в литературах славянских и балтийских народов, истории социума и культуры балтов и славян.

Темы, затронутые в сборнике, актуальны не только для славистов, балтистов, индоевропейцев, но и для лингвистов, фольклористов, этнологов, историков широкого профиля.

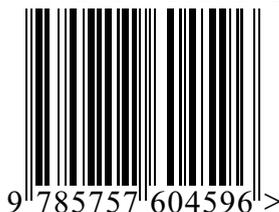
УДК 811.16/811.17+39

ББК 81

ISSN 2658-5766



ISBN 978-5-7576-0459-6



DOI: 10.31168/2658-5766 (серия)

© Авторы статей, 2021

© Институт славяноведения РАН, 2021

Рекомендуемое. сокр.: БСИ-XXI

© С. Г. Болотов, оригинал-макет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 7

Памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова

Выступление Вяч. Вс. Иванова на открытии Центра балто-славянских исследований (16 июня 2009 г.) (*расшифровка видеозаписи*) 8

Выступление Вяч. Вс. Иванова на открытии конференции «О богах и людях. А. Ю. Греймас сегодня» (17 мая 2017 г.) (*расшифровка видеозаписи*) 11

Н. Н. Казанский.

Отражение трехмерности пространства в праиндоевропейском языке 17

Я. Курсите.

Память культуры: Вяч. Вс. Иванов и И. Зиедонис о латышском Юмисе ... 27

В. А. Дыбо.

Влияние акцента на вокализм в западных индоевропейских языках 45

А. В. Дыбо. Тюркские и славянские языки: история взаимоотношений 176

А. В. Циммерлинг.

Откуда *вода пить* течёт: об одной циркумбалтийской изоглоссе 213

С. Г. Болотов. «Любимое блюдо латыша»:

ещё раз о происхождении латышского дебитива 243

P. U. Dini. Über die letzten Dinge im Falle des Altpreußischen.

Versuch einer Systematisierung 256

О. Буис. Латыши среди балтских народов и племён,

или язык латышей до общенационального языка 263

О. Буис. *Latvija* и *latvieši*: происхождение названий 289

М. В. Завьялова. Русизмы в литовском и латышском жаргоне 306

П. М. Аркадьев.

Опыт морфологической классификации литовских глаголов 322

М. М. Валенцова. Ещё раз о демонониме *юда* 347

Н. Лауринкене. Образ «повозки / колесницы Солнца» в балтийской мифологии как отголосок индоевропейской духовной культуры 366

О. И. Дзярнович. Восточная Литва XI–XIII веков: проблема этнокультурных и социокультурных характеристик поселений раннегородского типа 377

In memoriam

Тамара Михайловна Судник (17 января 1939 – 5 марта 2021) (<i>С. М. Толстая</i>)	393
Вильям Ригель Шмалыштиг (Уильям Шмолстиг, William Riegel Schmalstieg) (3 октября 1929 – 22 января 2021) (<i>А. И. Даниленко</i>).....	402
Оярс Бушс (Ojārs Bušs) (28 апреля 1944 – 3 января 2017) (<i>А. В. Андронов</i>).....	406
«Археология — это книга, которую надо уметь читать»: К 90-летию со дня рождения Эвалда Мугуревича (Ēvalds Mugurēvičs) (6 апреля 1931 – 23 ноября 2018) (<i>Е. Л. Назарова</i>)	412
Сведения об авторах	428

CONTENTS

Editorial note	7
<i>In memory of Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov</i>	
Vyach. Vs. Ivanov's presentation at the opening of The Centre for Baltic-Slavic Studies (16 June 2009) (<i>video-to-text transcription</i>)	8
Vyach. Vs. Ivanov's presentation at the opening of Conference "On gods and people. A/ Ju. Greimas today" (17 May 2017) (<i>video-to-text transcription</i>)	11
<i>N. N. Kazansky.</i> Reflexion of three-dimensionality of space in Proto-Indo-European.....	17
<i>Ja. Kursīte.</i> Memory of culture: Vyach. Vs. Ivanov and I. Ziedonis on Latvian Jumis	27
<i>V. A. Dybo.</i> Influence of accent on the vocalic system in Western Indo-European languages.....	45
<i>A. V. Dybo.</i> Turkic and Slavic languages: a history of their interrelations.....	176
<i>A. V. Zimmerling.</i> Where does <i>potable water</i> flow from: one Circum-Baltic isogloss.....	213
<i>S. G. Bolotov.</i> "Latvian's favorite dish": The origins of the Latvian debitive revisited	243
<i>P. U. Dini.</i> About the latest things in the case of Old Prussian. Attempt at systematization	256
<i>O. Bušs.</i> Latvians among Baltic folks and tribes, or The language of Latvians before the national language	263
<i>O. Bušs.</i> <i>Latvija</i> and <i>latvieši</i> : the names' origins	289
<i>M. V. Zavjalova.</i> Russianisms in Lithuanian and Latvian jargons.....	306
<i>P. M. Arkadiev.</i> An attempt at a morphological classification of Lithuanian verbs .	322
<i>M. M. Valentsova.</i> Once more on the demononym <i>iuda</i> (<i>iūda</i>).....	347
<i>N. Laurinkiemė.</i> The image of «Sun carriage / charriot» in Baltic mythology as an aftersound of Indo-European spiritual culture	366
<i>O. I. Dziarnovič.</i> Eastern Lithuania of 11 th –13 th centuries: the problem of ethno-cultural and socio-cultural characteristics of early-urban type settlements..	377

In memoriam

Tamara Mikhaïlovna Sudnik (17 January 1939 – 5 March 2021) <i>(S. M. Tolstaya)</i>	393
William Riegel Schmalstieg (3 October 1929 – 22 January 2021) <i>(A. I. Danylenko)</i>	402
Ojārs Bušs (28 April 1944 – 3 January 2017) <i>(A. V. Andronov)</i>	406
“Archaeology is a book one needs to know how to read”: On the occasion of the nonagenary of Ēvalds Mugurēvičs’ birthday (6 April 1931 – 23 November 2018) <i>(E. L. Nazarova)</i>	412
Information about the authors	428

От редколлегии

Уже четыре года с нами нет Вячеслава Всеволодовича Иванова, бесменного главного редактора нашей серии на протяжении почти сорока лет. С этой потерей невозможно смириться.

Вячеслав Всеволодович скончался, когда готовился к печати предыдущий, XX том «Балто-славянских исследований». Мы не могли посвятить его памяти уже практически готовый том. Мы делаем это сейчас: памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова посвящается настоящий, XXI том. Он открывается текстами двух выступлений Вячеслава Всеволодовича, разделённых почти десятью годами: первое — в Институте славяноведения РАН в 2009 году на открытии Центра балто-славянских исследований, второе — в Посольстве Литовской Республики в Российской Федерации в 2017 году на открытии международной конференции, посвящённой А. Ю. Греймасу.

Оба эти события значимы в истории балто-славянских исследований в Москве. Открытие Центра балто-славянских исследований под руководством Вячеслава Всеволодовича стало итогом многолетней работы в этой области сотрудников Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. Конференции, проводившиеся с 1998 года Институтом славяноведения РАН совместно с Посольством Литовской Республики в Российской Федерации, являются важным вкладом в сотрудничество ученых России, Литвы и других стран в изучение балто-славистики. Вячеслав Всеволодович был инициатором и активным участником и многих этих конференций. Конференция 2017 года стала для него последней и, по-видимому, выступление на ней стало последним публичным выступлением Вячеслава Всеволодовича перед широкой аудиторией в России. Для нас этот текст особенно ценен: обращаясь к литовскому мифологическому сюжету, Вячеслав Всеволодович раскрывает широкую перспективу, очерчивая актуальные задачи предмета истории и предмета лингвистики.

На открытии Центра балто-славянских исследований Вячеслав Всеволодович сказал, что в начале своих научных занятий он колебался между поэзией и лингвистикой. Они и остались главными занятиями его жизни. Об этом пишут Н. Н. Казанский и Я. Курсите.

А. В. ЦИММЕРЛИНГ

Откуда вода пить течет: об одной циркумбалтийской изоглоссе

1. Введение

Одной из характерных особенностей славянских и балтийских языков является модальная конструкция с оформлением дополнения инфинитива переходного глагола им.п.: в финитных клаузах те же глаголы приписывают дополнению вин.п. Самостоятельная инфинитивная клауза, построенная по модели им.п. + инфинитив выражает модальные значения типа «необходимо делать *p*» или «возможно делать *p*». Данная конструкция изучалась как в плане ареальной лингвистики (Timberlake 1974), так и в плане стадиальной реконструкции индоевропейского синтаксиса (Потебня 1958; Dunn 1982; Степанов 1984; Ambrazas 1987). Оба подхода могут комбинироваться, поскольку гипотеза об ареальном взаимодействии и предполагаемом грамматическом заимствовании из субстратных прибалтийско-финских языков и гипотеза об эволюции предполагаемых индоевропейских моделей предложения не исключают друг друга, что отмечено в: Ambrazas 2001. Такой комбинированный подход выглядит разумно, поскольку грамматическое заимствование могло наложиться в балтийских и славянских языках на внутреннюю эволюцию унаследованных моделей предложения. Проблема в том, что исконное состояние балто-славянских инфинитивных предложений само является предметом реконструкции, а представление о том, что это состояние в прабалтийском и праславянском было одинаковым, держится на допущении о том, что соответствующие модели предложения были в готовом виде унаследованы из праиндоевропейского. Между тем, ситуация в балтийских и славянских языках неодинакова. Циркумбалтийские языки обладают значительной общностью морфосинтаксических черт (Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2001), что не исключает возможности изучать гипотезы о направленном воздействии одних языков на другие в зоне контакта, при этом для разных конструкций направление влияния может быть разным. Славянские языки имеют более длительную письменную историю, но разнообразие моделей предикации, где возможно маркирование дополнения им.п. (ср. Seržant 2016b; Kozhanov, Arkadiev 2020), в балтийских языках выше. Кроме того, из всех славянских языков конструкция им.п. + инфинитив в древнейший период характерна только для одной группы циркумбалтийских диалектов, а именно — для северо-западного и западного диалектов древнерусского языка (Ларин 1975). Диалекты этой группы — псковский, новгород-

ский, смоленский, полоцкий — в XI–XV вв. развивались в тесном контакте с балтийскими языками и сходство поверхностно-синтаксических схем конструкций им.п. + инфинитив может объясняться не только индоевропейским наследием, но и позднейшим влиянием балтийских языков на славянские или славянских языков на балтийские. Задачей настоящей статьи является уточнение семантики и синтаксических ограничений, накладываемых на употребление конструкции им.п. + инфинитив в древнерусских памятниках XI–XV вв., локализуемых на Северо-западе и Западе Руси. Отдельно прослеживается ситуация в тех группах памятников, которые либо непосредственно связаны с зоной балтийско-славянского двуязычия (Псков, Полоцк), либо связаны с перепиской между Новгородом и Великим Княжеством Литовским.

2. Модальная конструкция им.п. + инфинитив в памятниках домонгольского периода

В славистике конструкцию им.п. + инфинитив часто называют по характерным оборотам, встречающимся в текстах старорусского и ранненоворусского периода — *земля пахати* (Жотков 1959; Станишева 1966; Степанов 1984), также *косить трава* (Маркова 1989), *корова доити* (Ронько 2017), *ловити рыба* (Циммерлинг 2019) и т.п. Ровно таких коллокаций в текстах домонгольского периода нет, а самый показательный пример XII в. демонстрирует грамота из Старой Руссы, датируемая 1160–1180 гг.

- (1) *въ волости твоєи толико вода^{NOM} пити в городицѣныхъ*
(Ст.Рус. № 10, ок. 1160–1180 гг.)

‘В твоей волости *Городище* только и можно, что пить воду.’

Вслед за (Зализняк 2004: 156; Попова 2017) будем называть эту конструкцию *вода пити*. Другой пример XII в. из берестяных грамот сохранил коллокацию *протеря гошити* ‘нести ущерб’. Клитика дат.п. *ти* в (2) указывает на семантического субъекта инфинитива — лицо, которое понесет ущерб:

- (2) *а больши^{NOM} ти^{DAT} протеря^{NOM} гоши(ти)*
(Б. гр. № 155, ок. 1160–1180 гг.)

‘А коли откажешься платить>, нести тебе большой ущерб.’

Богатая коллекция примеров типа *вода пити* обнаруживается в «Вопрошании» Кирика Новгородца (ок. 1136–1156 гг.). В силу характера памятника представленные в этой конструкции у Кирика существительные *опитемья, дора, молитва, проскоура, давленина* отличаются от тех, которые встречаются в грамотах, но переходные глаголы *ясти, дати, държати, творити, плати* для книжных памятников неспецифичны. В

«Милятином евангелии» (1215 г.) был обнаружен единственный в домонгольский период пример с одушевленным существительным в позиции дополнения инфинитива: *пустити жена* ‘дать жене развод’:

- (3) *достоить*^{3SG} *ли мужю*^{DAT} *жена*^{NOM} *пустити*^{INF} (Мил. ев.)
(Соболевский 1907: 195)

‘Следует ли мужу давать развод своей жене.’

Древнерусская конструкция выражает значение алетической (внешней) модальности: внешние обстоятельства делают описываемое инфинитивным оборотом событие *p* (*пить воду, нести ущерб, дать развод жене, творить молитву*) возможным или необходимым. Нет оснований считать, что указанное значение привносится самим им.п. Вместе с тем, вполне естественно, что значение алетической модальности погашается, если инфинитив зависит от глаголов *хотѣти* и *велѣти*. Это наблюдение впервые сделал А. А. Зализняк (там же: 157), который обратил внимание на то, что в клаузах с *хотѣти* и *велѣти* Кирик, для которого модальная конструкция с *вода пити* регулярна, ставит дополнение инфинитива в вин.п.:

- (4) *аже* [_{VP} *велить*^{CAUS} [_{InfP} *блюсти*^{INF} *недѣлю*^{ACC} *и соуботу*^{ACC}].
(Вопр. Кир.: ст. 73)

‘Если он приказывает соблюдать воскресенье и субботу.’

Сам А. А. Зализняк не прокомментировал отмеченную им дистрибуцию им. и вин.п. в инфинитивных клаузах, но её легко объяснить семантически. Волитивные контексты с *хотѣти* и каузативные контексты с *велѣти* предполагают семантический контроль вложенной ситуации субъектом матричного глагола. Между тем, значение алетической (внешней) модальности такой контроль исключает. Тем самым, уже в домонгольский период модальная конструкция *вода пити* была идиоматична: независимые инфинитивные предложения обычно предполагали оформление дополнения им.п. В позднерусских памятниках и памятниках старорусского периода запрета на постановку дополнения инфинитива в им.п. в волитивных и каузативных контекстах нет, но статистическое предпочтение в пользу вин.п. на большой коллекции данных очевидно (Циммерлинг 2019: 322–324).

Тип инфинитивной клаузы (независимая vs. зависимая) менее значим для объяснения выбора им.п. ~ вин.п., поскольку конструкция *вода пити* могла употребляться после модального предикатива или глагола, что засвидетельствовано уже в середине XII в. у Кирика: *Льзѣ / достоить* [_{InfP} *MODI^{AL} молитва творити | дора ясти*]. Такая дистрибуция модальной конструкции *вода пити* означает, что к внутреннему алетическому опе-

ратору **MOD1^{AL}** ‘внешняя ситуация делает *p* возможным/необходимым’ может добавляться внешний модальный оператор **MOD2**, связанный с матричным предикатом, вводящим инфинитив. При *льзѣ* ‘можно, разрешено’ и *достойтъ* ‘следует’ **MOD2** имеет деонтическую интерпретацию:

(i) [ГР **MOD2^{DE}** *льзѣ* [ИнфР **MOD1^{AL}** *вода тити*]]

При *надобе* ‘необходимо’ **MOD2** имеет алетическую интерпретацию, поэтому внутренний и внешний модальный операторы эквивалентны при условии, что оба обладают той же силой¹.

(ii) [ГР **MOD2^{AL}** *надобе* [ИнфР **MOD1^{AL}** *вода тити*]]

В. И. Борковский (1949: 335) ещё до открытия берестяных грамот предположил, что конструкция *вода тити* является новгородской. Против этого говорит тот факт, что в Смоленской Грамоте 1229 г. данная конструкция не только многократно встречается в юридической формуле *взяти правда* «пользоваться правом определенного типа», ср. *такова^{NOM} правда^{NOM} оузати роусиноу оу ризѣ и на гочкомь березѣ* (Смол. А.: 30–31, ср. Смол. А.: 42, 44, 48–49, 52, 83, 90–91), но в представлена в коллокациях *гривна заплатити*, ср. *Аже боудѣте хольпѣ убитѣ ·ā· гривна^{NOM} сѣрѣбра заплатити* (там же, 14–15), *дати ногата*, ср. *дати юмоу вѣсцѣ ногата^{NOM} смольнескаѧ^{NOM}* (там же: 75–76) и *дати куна*, ср. *дати юмоу ѿ гривны сѣрѣбра коуна^{NOM} смольнескаѧ^{NOM}* (там же: 78–79). Такое употребление подтверждает высокую регулярность модальной конструкции *вода тити* в смоленском диалекте.

Полоцких грамот домонгольского периода нет, но в самой первой полоцкой грамоте, датированной 1263 г., данная конструкция представлена в том же модальном контексте:

(5) *В которой волости ч(о)л(о)в(е)къ извинить^c(а), ту ему правда^{NOM} дам^m(у)^{INF}, или вина его.* (П.гр. № 1, 1263 г.)

‘Если человек избавится от долга в какой-либо волости, это регулируется местным правом [букв. ‘там ему и дать правду’], а иначе вина на нём.’

Итак, во второй четверти XIII в. модальная конструкция *вода тити* регулярно используется в западных диалектах древнерусского языка в тех же контекстах, что и в новгородских памятниках. Доказанных примеров для других древнерусских диалектов домонгольского периода нет, однако в русском списке Студийского устава, датируемом концом XI – началом XII вв., была обнаружена коллокация *пѣти навѣрница*

¹ Т.е. оба указывают на необходимость (сильная алетическая модальность) или возможность (слабая алетическая модальность).

‘петь павечерницу’ (Успенский 2006: 67). Так как в церковнославянском модальной конструкции им.п. + инфинитив нет, пример (6) может объясняться только как сбой, связанный с перенесением черты диалекта переписчика.

(6) *Дще настанѣ днѣ нарочита стго · иде рчѣть прѣ · ть | гда павѣрница^{NOM}
пѣти^{INF}.* (Студ. 21.15–16)

‘Когда наступит день почитаемого святого, который считается праздником, тогда следует петь павечерницу.’

Предложение (6) — самый ранний известный пример модальной конструкции *вода пити* в истории русского языка. Подчеркнем, что альтернативная интерпретация (6) как конструкции с обстоятельством инфинитивом при подлежащем в им.п. — *‘павечерница [вечерняя молитва] существует, чтобы её петь’ — исключена.

Таким образом, в памятниках домонгольского периода модальная конструкция *вода пити* регулярна и обнаруживает следующие черты:

- (iii) именная группа (ИГ) в им.п. является дополнением инфинитива, а не его подлежащим.
- (iv) Дополнение в им.п. выражает семантическую роль пациенса переходного глагола.
- (v) Конструкция выражает значение алетической возможности или необходимости.
- (vi) Значение конструкции исключает семантический контроль ситуации со стороны субъекта инфинитива. Комбинация модального оператора инфинитива с внешним оператором деонтической или алетической модальности допустима, но комбинация модального оператора инфинитива с внешним волитивным или каузативным оператором нежелательна.
- (vii) Ограничения на лексическую семантику глагола, управляющего дополнением с ролью пациенса, не прослеживаются.
- (viii) Указание на субъекта алетической модальности, связанное с донбавлением дат.п. лица в схему конструкции, возможно, но не обязательно.

Кроме того, в истории русского языка действует ограничение на морфологический тип дополнения инфинитива: в данной позиции допускаются только существительные и полные ИГ, но не местоимения: в отличие от балтийских языков, предложения с местоименными дополнениями в им.п. **она пити*, **она видети* не документированы.

3. Конструкция *вода питу* в позднерусском и старорусском языке

Кратко перечислим основные факты о конструкции *вода питу* в русском языке второй половины XIII – XX вв. и приведем данные о её употреблении в двух диалектах, ближе всего контактировавших с балтийскими языками, — полоцком и псковском, а также на территории Новгородского государства.

- * В XIV в. конструкция несколько раз встречается в нелокальных документах Великого княжества Литовского, которые не могут быть доказательно причислены к староукраинским.
- * Конструкция представлена в полоцких грамотах с 1263 по 1511 гг.
- * Конструкция представлена в псковских текстах, включая «Псковскую судную грамоту» (1397–1467 гг.).
- * В памятниках старорусского и ранненоворусского периодов с 1400 по 1730 гг., не связанных с Западом и Северо-западом, конструкция *вода питу* не имеет ясной локальной привязки, вопреки (Котков 1959).
- * Частота употребления конструкции в восточно-русских памятниках русского языка с 1400 по 1730 гг. подтверждает её укорененность в приказном стиле и, в какой-то мере, в недоступной нам непосредственно стоящей за ним устной практике в наддиалектной форме русского языка.
- * В памятниках северо-западного и западного диалектов XII–XV вв. число примеров измеряется десятками, в памятниках восточного диалекта в 1400–1720 гг. — тысячами.
- * По неясным причинам конструкция быстро выходит из употребления в середине XVIII в. Более ранние датировки недостоверны, ср. обсуждение в (Циммерлинг 2019: 333–334).
- * В некоторых диалектах русского Севера конструкция пережиточно сохраняется, но частота её употребления резко снижается к XX–XXI в. (Кузьмина, Немченко 1964; 1971; Маркова 1989; Кузьмина 1993; Ронько 2017).

С. И. Котков (Котков 1959) на основе анализа южнорусских актов XVI–XVII вв. пытался доказать, что в этот период конструкция *вода питу* была характерна для южнорусских диалектов, но приведенные им доводы сводятся к тому, что в местных актах есть не только готовые клише приказного стиля типа *земля пахать*, которые писец мог заимствовать из известного ему образца, но и иные сочетания с существительными на *-а* в позиции дополнения инфинитива. Это основание недостаточно, так как воспроизводство конструкции *вода пи-*

ти как черты приказного стиля связано не только с лексикой, но и с грамматикой. Между тем, о специфике грамматики приказного стиля южнорусских актов по сравнению с актами других регионов по представленным в статье С. И. Коткова данным судить нельзя.

Практически все примеры с морфологически однозначной формой им.п. в позиции дополнения связаны с существительными ж.р. Однако в новгородском диалекте, где им.п. в тематическом склонении м.р. имел окончание *-e* и не совпадал в вин.п., имевшим нулевое окончание, всё же засвидетельствован пример с формой *осетре*:

(7) *А осетре*^{NOM.M} *имь*^{DAT} *имати*^{INF} *по старинѣ* (ГВНП: № 93, 1434 г.)
 ‘А осетра им следует брать в прежнем порядке.’

3.1. Конструкция *вода пити* и им.п. дополнения в полоцких памятниках

В полоцких памятниках 1263–1511 гг. модальная конструкция *вода пити*, по нашим подсчетам, встречается 12 раз. 9 примеров связаны с независимыми инфинитивными предложениями: *правда*^{NOM} *дати* (1263 г.), *исправа*^{NOM} *чинити*, *обида*^{NOM} *правити* (1387 г.), *белка*^{NOM} *купити* (1405 г.), *тоја*^{NOM} *борѣ*^{NOM} [= *борь*] *choditi*, *taja*^{NOM} *borѣ*^{NOM} *derzaty* (2 р.), (1482 г.), *рыба*^{NOM} *ловити* (1484 г., 1492 г.). В 3 примерах конструкция встретилась в зависимой клаузе: *прилучило тая*^{NOM} *вѣра*^{NOM} *принати* и *держати* (1387 г.), *што вам дат(и) правда*^{NOM} *нашему послу* (1405 г.), *слава помогшем* *ми Б(о)гоу написати* *сія*^{NOM} *книга*^{NOM} (1505 г.). Вин.п. в аналогичном модальном контексте встретился 7 раз, в 5 случаях из 7 — в независимом инфинитивном предложении.

В немодальных контекстах, в частности — после каузативного, волитивного предиката и глагола *мети* в зн. ‘иметь место’ в полоцком диалекте дополнение инфинитива переходного глагола всегда оформляется вин.п. (120 примеров). Тем самым, ограничение, отмеченное А. А. Зализняком для новгородских памятников домонгольского периода, сохраняет силу и для иной группы памятников более позднего периода.

В нескольких примерах им.п. дополнения встречается за пределами инфинитивных клауз в немодальном контексте. В черновике договора 1405 г. им.п. *грамота* стоит после конструкции перфекта в 1 л., см. (8)². В беловике этой конструкции нет.

² В издании (Хорошкевич 2015: 119) указано, что черновик договора 1405 г. написан неумелой рукой. Эта деталь согласуется с предположением, что использованная неискушенным писцом конструкция причастие на *-л* + им.п. дополнения *излучить есмь грамота* не соответствовала узусу письменной традиции Полоцка. Отдельный вопрос состоит в том, был ли писец грамоты П.гр. № 48 полоцанином. Смешение *з* с *ж* — черта не полоцкого, а псковского диалекта (Зализ-

- (8) *Излучиль юсми^{1SG} грамота^{NOM} на Б(о)з(ѣ) милости.*
(П.гр. № 48, 1405 г.)
'Я отпустил грамоту по Божьей милости.'

Аналогичное сочетание перфектного причастия на -л с им.п. до-полнения встретилось в грамоте П.гр. № 3, которая на век раньше. Эта грамота, как и предыдущая, сохранилась в оригинале, поэтому сомнений в правильности чтения нет.

- (9) *А нынѣ есмь^{1SG} оувѣдалъ [NP любовь ваша права^{NOM}] съ | с(ы)номь моимъ с Витенемъ.*
(П.гр. № 3, ок. 1299–1305 гг.)
'А ныне я узнал о том, что вы полюбовно договорились с моим <духовным> сыном Витенем.'

При причастии на -но в полоцком диалекте были возможны две конкурирующих формы неканонического пассива. При первом сценарии пассивизируемая ИГ стоит в им.п., но причастие не согласуется с ним в роде и числе, см. (10):

- (10) *Ино в Миткове листе Пётровича выписано^{PP.SGN} граница^{NOM.F} томъ име^(ь)ю по Сарью рекѣ*
(П.гр. № 397, 1506 г.)
'А в грамоте Митки Петровича граница того владенья определена до реки Сарьи.'

По модели (10) в полоцких грамотах построено четыре примера³. Самый ранний пример — *тако, како грамот(а)^{NOM} написано* (П.гр. № 1) — датируется 1263 г., но эта грамота сохранилась в поздних списках, поэтому доказать, что чтение является первоначальным, трудно.

При втором сценарии пассивизируемая ИГ при причастии в ср.р. ед.ч. ставится в косвенном падеже (вин.п.). Это т.н. «ленивый» пассив или, в иной терминологии, — параметр антисубъекта (Ронько, Цим-няк 2004: 52). Между тем, писец П.гр. № 48 пять раз пишет слово *ажь* (= *аже*) как *азь*, слово *рубез* 'конфискация имущества' записывает *въ рубеза*, а слово *тяжелѣ* передает как *тязельа*. Отражением шепелявения (шоканья) в диалекте писца П.гр. № 48 является также написание *мѣслание* = *мѣшание* 'сумятица'. Наконец, писец дважды сбился при передаче слова *нѣмецкии*, записав ять в корне через *и*: *нимѣць|кому ... нимѣцькому*: совпадение *ѣ* и *и* является чертой северо-западных диалектов, а не полоцкого диалекта, где *ѣ* совпадало с *е* (отсюда неэтимологический *ѣ* в суффиксе *-ець <-ьц*). Все это побуждает считать, что писец грамоты П.гр. № 48, записавший от имени полочан черновик договора с Ригой, был носителем иного диалекта, с высокой вероятностью — псковского.

³ В одном из них в позиции дополнения причастия ср.р. стоит количественная группа, что допускается в современном литературном русском языке: *А въ двѣхъ ли|стехъ ему выписано две земли пустовскихъ тамъ же в Полоцкомъ|повете*: (П.гр. № 422, 1507 г.).

мерлинг 2015: 59), по которому в ряде конструкций доступная ИГ не получает им.п. и не попадает в позицию подлежащего, даже если эта позиция вакантна. См. (11).

- (11) *и поведили, ижъ |проѡкомъ ихъ дано^{PP.SG.N} землю^{ACC} на Вѣшачи и на Солоньце в Полоцкомъ пове|те* (П.гр. № 28, 1393–1430 гг.)
 ‘И они сообщили, что их предкам давали землю на Вшачи и на Солонце в Полоцком повете’

В уже упоминавшейся грамоте П.гр. № 1 (1263 г.) тоже может быть представлен ленивый пассив: *сию^{ACC} грамот^{m(y)}^{ACC} тогда напса|на в Ризе*. Но эта грамота дошла до нас в поздних списках, и нет уверенности, что чтение правильно. Так или иначе, в полоцком диалекте XIV–XVI вв., наряду с модальной инфинитивной конструкцией *вода питу* были возможны и немодальные конструкции типа (10) с им.п. дополнения после причастия на *-но*, которые конкурировали с ленивым пассивом типа (11). Кроме того, зафиксированы бесспорные примеры им.п. дополнения после перфектного причастия на *-л*, см. выше (8) и (9).

3.2. Конструкция *вода питу* в «Псковской Судной Грамоте»

«Псковская Судная Грамота» является уложением городского права Пскова. В её тексте конструкция *вода питу* представлена 34 раза, что с учётом небольшого объёма памятника является высоким показателем. В 10 случаях позицию дополнения занимает слово *правда*: *правда^{NOM} дати* (*дать*) — 8 примеров, также *обыскать правда^{NOM}* ‘провести расследование’ (ПСГ: ст. 19), *правда^{NOM} судомъ посудити* ‘пересмотреть сомнительные дела в судебном порядке’ (ПСГ: ст. 62). 2 примера связаны со словом *грамота*, 6 — со словом *денга*, 2 — со словом *покрута* ‘ссуда’, 2 — со словом *строка* в зн. ‘параграф закона’, 2 — со словом *продажа*, по одному разу представлены существительные *порядня* ‘договор’, *рядница* ‘письменное обязательство’, *доска* ‘письменный акт, начертанный на дереве’, *судница* ‘судебное постановление’, *весна*, *вѣра*, *земля*, *скрута* ‘украшение’, *корова* и *душа* в сочетании *душа выдати* ‘выдать с головою’ (ПСГ: ст. 28). Вин.п. в соответствующем контексте при существительном ж.р. на *-а* в языке ПСГ употребляется всего два раза⁴. Более того, имеется один пример, где дополнение инфинитива ставится в им.п. в отрицательной клаузе, где обычно в диалектах, сохраняющих конструкцию *вода питу* в неотрицательных клаузах, используется род.п.⁵

⁴ См. *и государю взять у него все половину^{ACC} своего изорника* (ПСГ: ст. 64), *А корову^{ACC} купить за слоблено* (ПСГ: ст. 120). Имеются также примеры с одушевленной формой вин.п. м.р.: *наймита^{ACC.ANIM} волно наняти* (ПСГ: ст. 37), но они не показательны, так как существительные данного класса в позиции дополнения инфинитива, по-видимому, никогда не получают им.п. в древнерусском и старорусском языках.

- (12) *и князю **продажа**^{NOM} **не**^{NEG} **взяти**^{INF}.* (ПСГ: ст. 53)
 ‘И князю не следует брать пошлину с продажи.’

Немодальная конструкция с им.п. дополнения представлена два раза при деепричастии *давши* (ПСГ: ст. 52, 106).

- (13) *ино государю **правда**^{NOM} **давши**^{GER}, **взять свое или изорнику вѣрить**.*
 (ПСГ: ст. 52)

‘В таком случае господину следует, приведя свидетельство, взять свое имущество, иначе слова изорника принимаются на веру.’

В отличие от ситуации в полоцком диалекте, немодальные употребления им.п. дополнения при деепричастии *давши* в псковском диалекте можно считать вторичными по отношению к модальным. В конструкции *вода тити* ПСГ использует широкий круг переходных глаголов: *дать, обыскать, имать, посудить, взять, платить, повинить, заплатить, нять, записать, выписать, выкупить, отдать, выдать*. В других псковских грамотах XIV–XV вв. встречаются также глаголы *ловить, ставить* и *положить*, ср. (14):

- (14) *Се жалуеса **селитва**^{NOM} **ставити да рыбу**^{ACC} **ловити неводом да мережи**.* (ГВНП: № 333, 1308–1312 гг.)

‘Настоящим жалуется <Яков Голутвинич правом> ставить двор и ловить рыбу неводом и ловушками.’

ПСГ использует предложения с модальными предикативами дательного-предикативной структуры (ДПС) *волно* ‘разрешено’ и *любо*, которые имеют валентность на инфинитив⁶. *Вол(ь)но* используется 14 раз, из них — 12 раз с инфинитивом (ПСГ: ст. 15, 16 (2 р.), 22, 37, 50, 51, 69, 87, 104, 110, 118), и лишь в одном случае предикатив вводит оборот им.п. + инфинитив, см. (15):

- (15) *ино [DP **та строка**] **волно**^{PRED} **выписать**^{INF} **вонь изъ грамотъ**.*
 (ПСГ: ст. 110)

‘Тогда ту строку разрешается удалить из грамоты.’

Таким образом, несмотря на регулярность моделей $PRED^{MOD}-INF$ и $N_{NOM}-INF$ в псковском диалекте, они пересекаются к середине XV в. слабо.

⁵ Род.п. отрицания обычен в этой позиции и в языке ПСГ, см.: *А татю **вѣры**^{GEN} **не**^{NEG} **нать*** (ПСГ: ст. 61), а *тайныхъ^{GEN} **посуловъ**^{GEN} **не**^{NEG} **имать*** (ПСГ: ст. 5), *ино ему **гостинца**^{GEN} **не**^{NEG} **взять*** (ПСГ: ст. 75).

⁶ Также зафиксирован предикатив ДПС *вѣдомо* (ПСГ: ст. 56, 57, 58).

3.3. Комбинация модальной конструкции *вода пити* с внешним алетическим оператором в памятниках новгородского диалекта

В псковском и полоцком диалекте конструкция *вода пити* в зависимой клаузе, вводимой внешним алетическим модальным оператором типа *надобе*, см. модель (ii), в памятниках XIII–XV вв. не представлена. На территории Новгородского государства ситуация такая: в берестяных грамотах, а также в неберестяных актах внутреннего управления Новгорода и частных письмах новгородцев на неберестяном носителе модель (ii) не представлена. Не отражена она в данный период и в грамотах Обоонежья и Двины, население которых частично состояло из носителей прибалтийско-финских языков⁷. В актах внешних сношений Новгорода модель (ii) встретилаcь один раз в грамоте 1440–1447 г. Что характерно, данная грамота является договором с Великим Княжеством Литовским и может отражать узуc части его русскоязычного населения⁸:

(16) *А в Новгородской волости не надоби ни что иное Литви, ни на Дѣмянѣ, ни на Снѣ, ни на Полоновѣ, не надоби [инГР брати [нР чорна кунна]^{НОМ}, ни иное ничто же].* (ГВНП: № 70, 1440–1447 гг.)

‘А в новгородской волости Литве ничего не надо, ни на Демян, ни на Сне, ни на Полоне, не нужно брать ни черную куну, ни что-либо другое.’

В грамотах внешней переписки с Москвой таких примеров нет, что позволяет предположить, что плеонастическая комбинация внешнего алетического оператора типа (*не*) *надобе* с алетической модальной конструкцией *вода пити* в XII–XV вв. — не собственно древнерусская и не субстратная прибалтийско-финская черта, а черта идиомов русского языка в зоне славяно-балтийского двуязычия.

3.4. Структурные варианты конструкции *вода пити* в западном и северо-западном диалектах русского языка в XIII–XV вв.

Некнижные памятники западных и северо-западных диалектов, относящиеся к периоду 1260–1511 гг., показывают следующее распределение структурных вариантов конструкции *вода пити* в независимых и зависимых клаузах. Новгородские памятники разделены на четыре группы — а) берестяные грамоты; б) частные письма и акты внутреннего управления (на неберестяных носителях); в) договор-

⁷ В независимой клаузе конструкция *вода пити* в грамотах Двины и Обоонежья встречается в XIV–XV вв. не менее 14 раз.

⁸ Вместе с тем, смешение *ѣ* с *и* в словах *надоби*, *Литви* является новгородской чертой, что не отменяет возможности того, что новгородский писец грамоты ГВНП № 70 мог переписать текст, составленный литовской стороной.

ные грамоты с Западом; d) договорные грамоты с Москвой. Грамоты Двины и Обонежья выделены в отдельные столбцы.

Таб. 1. Конструкция *вода нити* в северо-западном и западном диалектах русского языка в XIII–XV вв.

%	Полоцкий диалект	Псковский диалект	Новгородский диалект				Обонежье	Двина	Всего
			Бер.гр.	Внутр. упр.	Договора с Западом	Договора с Москвой			
Независимые клаузы	11	34	3 ⁹	2	16	10	3	11	90
После модального глагола или предикатива	1	1	0	0	1	0	0	0	3
После каузативного предиката	0	0	0	0	0	0	0	0	0
После волитивного предиката	0	0	0	0	0	0	0	0	0
При деепричастии	0	2	0	0	1	0	0	0	3
При причастии на -л	2	0	0	0	0	0	0	0	2
При форме императива	0	0	1 ¹⁰	0	0	0	0	0	1
При временной форме глагола	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Всего	14	37	4	2	18	10	3	12	100

Из таб. 1 видно, что на 90 примеров конструкции *вода нити* в независимой клаузе приходится три примера с вложенной клаузой после модального предиката. После каузативного и волитивного предикатов конструкция *вода нити* не употребляется, что подтверждает её модальный характер. Немодальные употребления с деепричастиями, см. (13), и перфектным причастием на -л, см. (7) и (8), маргинальны и встречаются в диалектах, непосредственно контактировавших с балтийскими языками — псковском и полоцком. Новгородский пример (17) нельзя считать исключением, так как он представлен в той же договорной грамоте 1440–1447 гг. с Литвой, где единственный раз встретилась комбинация *не надобе* с группой им.п. + инфинитив.

⁹ Б. гр. № 142 (первая половина XIV в), 578 (вторая половина XIV в), 19 (первая половина XV в.).

¹⁰ Б. гр. № 383 (вторая половина XIV в.). Им. п. дополнения в императивной клаузе один раз встречается также в Новгородской первой летописи: *а мнѣ ре(ч) даи^{ИР} бѣ исправити* [_{ИР} правда новгородская]^{НОМ} (ИМПЛ: л. 109 об., под. 1230 г.). Императивный контекст сохраняет алетическое модальное значение.

- (17) *или будеть мирь нелюбь, сослався и грамота^{NOM} отославъ^{GER}, а по-
слѣ грамоты мясячь не воеватися* (ГВНП: № 70, 1440–1447 гг.)
'Или, если мир будет нелюб, следует вступить в контакт и отослать
грамоту, после чего не воевать ещё мясяч.'

Единственный в выборке пример им.п. дополнения при финитной форме презенса встретился в XV в. в двинской грамоте: *А великого государя напишутъ писцы і [др та земля]^{NOM.F} і в книги* (ГВНП: № 260).

4. Происхождение древнерусской конструкции *вода пити*

Происхождение конструкции *вода пити* является предметом полемики. Существует два лагеря — сторонники гипотезы о заимствовании конструкции из прибалтийско-финских языков (Ларин 1963; 1975; Kiraskey 1960; 1969; Timberlake 1974; Ронько 2016, ср. Seržant 2016b), и сторонники гипотезы об её автохтонном развитии или наследовании из индоевропейского (Потебня 1958: 372–375; 1968; Поповъ 1881/2012; Шахматов 1941; Dunn 1982; Степанов 1984; 1989, Крысько 1994: 192; Danylenko 2003). С одной стороны, сторонники гипотезы о заимствовании не смогли указать ни источник заимствования — конкретный финно-угорский или балтийский язык, ни диалект древнерусского языка, первым заимствовавший конструкцию — новгородский (Борковский 1949), псковский или полоцко-смоленский диалект. С другой стороны, сторонники гипотезы об автохтонном развитии конструкции не смогли доказать факт её распространения за пределами Северо-запада Руси в домонгольский период и обосновать валидность схем её предполагаемой эволюции. А. А. Потебня вслед за Ф. Миклошичем считал, что модальное значение привносится самим инфинитивом, а дополнение в им.п. стало возможным в результате переосмысления исконной герундивной конструкции с подлежащим в им.п. и обстоятельственным инфинитивом. Соответствующая конструкция была свойственна древним славянским языкам при ограниченном круге глаголов, включая глаголы восприятия (Потебня 1968: 365–368; Porák 1967). Её продолжением могут быть обороты типа *пісня чути, рука знати* (по Даниленко 2003: 245), засвидетельствованные в говорах Киева, Полесья и в отдельных местах Днепропетровщины, Харьковщины, Сумщины, Кировоградщины, Нежинщины. Проблема в том, что ни материал раннедревнерусского языка, ни материал памятников второй половины XIII–XVI вв. не соответствует данной схеме. Уже около 1100 г. модальная конструкция *вода пити* полностью грамматикализована в тех диалектах древнерусского языка, где она документирована. Никаких ограничений на лексическую семантику инфинитива переходного глагола нет. То, что в памятниках XII–XIII вв.

глаголы восприятия, знания и мнения в конструкции *вода пити* не представлены, может быть случайностью, но гипотезу о переосмыслении искомнного подлежащего инфинитива глагола психической сферы в дополнение такой подбор агентивных переходных значений заведомо не подтверждает. Те же самые прямопереходные глаголы в пределах одних и тех же текстов XII–XVIII вв. параллельно сохраняют возможность управлять вин.п., при этом конструкции *им.п. + инфинитив* и *вин.п. + инфинитив* оказываются в распределении, напоминающем механизм дифференцированного маркирования дополнения (Ронько 2016; Циммерлинг 2019). Из изученных нами 2000 примеров модальной инфинитивной конструкции в истории русского языка лишь в двух-трех случаях им.п. кодирует не пациенса, а некоторую периферийную семантическую роль (место и т.п.). Что касается вторичного согласования, реконструкции Потехни и его последователей соответствуют всего три примера, где актант в им.п. контролирует числовую форму сказуемого или предикативного атрибута. Два примера их трех были обнаружены в старорусском корпусе НКРЯ в выгрузке из 1054 клауз им.п. + инфинитив, см. (18)–(19).

- (18) *пашня*^{NOM.SG.F} *де поспѣла*^{SG.F} *пахать*^{INF} *а пахат нельзя для того что не розделена* (Я. Г. Тухачевский Аврааму Никитичу (1650–1720))
 ‘<Они говорят, что>, мол, пришло время пахать пашню, а пахать нельзя, потому что она не разделена.’
- (19) *Да были есмь на мѣстѣ, кдѣ усѣкнули главу святому апостолу Павлу, ту три кладязи: коли стяли главу, и она прынула трижды, и с тѣх мѣстѣ истѣкають три кладязи прудко велми, и вода*^{NOM.SG.F} *их пити*^{INF} *сладка*^{SG.F} *велми и студена*^{SG.F} (Заметка о Риме (1438))
 ‘...И оттуда вытекают три быстрых ключа. Их вода сладка и приятна на вкус.’

Мнение об архаичности примеров (18) и (19) при такой статистике (0,019% от общего числа сочетаний им.п. + инфинитив) является предметом веры. Примеры, где ИГ в им.п., играющая роль пациенса переходного глагола, одновременно контролирует первичное или вторичное согласование предиката, с равной вероятностью могут быть результатом вторичного развития или иноязычного влияния. Ранний пример (1) и поздний пример (19) объединяет лишь сочетание инфинитива *пити* со словом *вода*, но сходство между ними иллюзорно. Автор примера (1) говорит, что в месте Z есть единственная возможность — *пить воду*: это утверждение не о свойствах воды, а о том, что могут сделать жители Z. Напротив, автор примера (19) говорит именно о свойствах воды в Z, утверждая, что она пригодна для питья и приятна на вкус.

4.1. Конструкции с инфинитивом и его аналогами в балтийских языках на фоне древнерусских соответствий

В связи с оценкой достоверности гипотез о заимствовании конструкции *вода пьти* в группу северных и западных диалектов древнерусского языка vs. автохтонном развитии данной конструкции в балто-славянских языках имеет смысл кратко рассмотреть материал литовского и латышского языков, который привлекался сторонниками обеих гипотез. Синтаксис предложений с неканоническими актантами в им.п. изучался как в перспективе ареальной типологии циркумбалтийских языков (Timberlake 1974; Seržant 2016b; Ронько 2016), так и в перспективе реконструкции моделей индоевропейского предложения и их эволюции в балто-славянском (Ambrazas 1987; 2001; Степанов 1984). Балтийские языки имеют более короткую письменную историю, чем древнерусский язык, что не исключает представления об их большей архаичности, в том числе — в плане морфосинтаксиса. Близким структурно-семантическим соответствием русской инфинитивной модальной конструкции *вода пьти* является латышская финитная конструкция с производной глагольной формой дебитива, где модальный оператор¹¹ вводится дебитивной приставкой *jā-*, а актант в им.п. имеет свойства дополнения (Holvoet 2001; Seržant 2016b: 163–172).

(20) Лтш. *Man*^{DAT} *jālasa*^{DEB} *grāmatas*^{NOM.PL.}
‘Мне **надо** прочесть **книги**.’

В сложных формах дебитива ИГ в им.п. обычно не контролирует согласование.

(21) Лтш. *Kam*^{DAT} *būtu*^{SUBJ} *bijis*^{PRT.NOM.SG} *jālasa*^{DEB} [_{NP} *attiecīgi nolikumi*]^{NOM.PL.}
(Seržant 2016b: 165)
‘Кто зачитает соответствующие правила?’

В балтистике конструкция латышского дебитива признается инновацией, вытеснившей старую модальную инфинитивную конструкцию, общую для литовского и латышского языков (Ambrazas 2001: 397). В. Амбразас цитирует указанный Я. Эндзелином диалектный пример (22), который считается изолированным реликтом:

(22) Лтш. диал. (Нерета). *Kungam*^{DAT} *ēst*^{NF} [_{DP} *tei meizīte*]^{NOM!}
‘Господам — есть этот хлеб!’

¹¹ Главное семантическое отличие латышского дебитива от русской конструкции *вода пьти*, видимо, состоит в том, что дебитив может выражать значение внутренней модальности, которое для русской инфинитивной конструкции недоступно: значения соответствующего типа выражаются в русском языке предикативами типа рус. *надо*, *нужно*.

В тех латышских диалектах, где дативно-инфинитивная конструкция ещё встречается, пациентное дополнение инфинитива переходного глагола обычно получает вин.п.:

- (23) Лтш. диал. *Tev*^{DAT} *bij*^{3PST} *ņem*^{INF} *niedres meitu*^{ACC} (Ambrazas 2001: 402).
 ‘Ты должен был взять <в жены> дочь камыша.’

В некоторых латышских диалектах ИГ в им.п. может контролировать согласование в сложной конструкции дебитива, ср. указанный А. Хольфутом пример:

- (24) Лтш. диал. *Lini*^{NOM.PL} *bijuši*^{PRT.NOM.PL} *jākalte*^{NOM.PL}.
 ‘Лён нуждался в усушке’, букв. ‘льны были для высыхания.’

В. Амбразас (Ambrazas 2001: 398) сопоставляет пример (24) с формулой *такова правда оузати роусиноу* из Смоленской грамоты 1229 г., где ИГ *такова правда* якобы является исконным подлежащим инфинитивного оборота, где инфинитив выступает ещё в своей прежней функции отглагольного имени. Эта параллель неубедительна, поскольку применительно к истории древнерусского языка речь идёт не об установленном факте, а о реконструкции, предложенной А. А. Потебней в 1874 г. (см. Потебня 1958: 406). Сколь бы ни был велик авторитет А. А. Потебни, стоит напомнить, что на синхронном уровне его анализ неприменим ни к одному из древнерусских примеров модальной конструкции *вода тити* в домонгольский период. Лексическая семантика слова *правда* ‘совокупность юридических норм’ толкает в ложную сторону, побуждая искать смысл «юридические нормы существуют для того, чтобы их соблюдали». Значение модальной конструкции им.п. + инфинитив в древнерусском языке не зависит от выбора имени: *вода* в позиции дополнения инфинитива ничем не отличается от *правды* или *грамоты*. Кроме того, в древнерусских примерах конструкции *вода тити* нет материально выраженной связки: если предикатная вершина, от которой зависит инфинитив, имеется, она является невыраженной, нулевой. Напротив, в балтийских примерах типа (21), (23)–(24) модальный инфинитив или приходящая ему на смену форма дебитива зависит от внешне выраженного предикатного слова типа *bij* в (23) или *bijuši* в (24). Примеры обстоятельственной конструкции, где инфинитив переходного глагола зависит от ненулевой вершины, спорадически встречаются в не книжных русских текстах, ср. приведенный выше поздний пример (19) *пашня постѣла пахать* (XVII₂ в.). Наиболее ранний древнерусский пример, где ИГ в им.п. контролирует согласование вторичного предиката, от которого зависит инфинитив, встретился в рядной Якиме с Тешатой (вторая половина XIII в.), которую ранее включали в издания

псковских грамот (ГВНП 1949; Боголюбова, Таубенберг 1960), но теперь чаще относят к полоцким, так как в ней нет фонетических черт псковского диалекта (Живов 1984: 306; Живов 2006: 136). Слово *мониста* в (25) стоит во мн.ч. ср.р.: такую же форму показывает предикативное прилагательное *свободна*:

(25) *И на дѣвиць Якымъ серебро взялъ, и [NP мониста Тѣшатина]^{NOM.PL.N} у Якымовы жены **свободна**^{NOM.PL.N} Тѣшатѣ^{DAT} **взяти**^{INF}, и роцетъ учинила^{PST.3DU} промежи себе.* (ГВНП: № 331, ок. 1266–1299 гг.)

‘И Яким взял <проценты> за девицу серебром, и теперь Тешата вправе забрать у жены Якима свои мониста, и эти два человека рассчитались между собой.’

Диалектная принадлежность писца рядной Якима — отдельная тема. Но не подлежит сомнению, что грамота ГВНП № 331 локализуется в зоне интенсивных балто-славянских контактов, если не литовско-русского двуязычия. Отнесение этой грамоты к псковским и её датировка поддерживается тем, что писец грамоты назвал себя *Довмонтовым писцом* (а писал *Довмонтовъ писецъ*), т.е. писцом псковского князя Довмонта-Тимофея (1266–1299 гг.), одна из сохранившихся печатей которого найдена на рядной Якима. При Довмонте в Пскове была большая община крещеных литовцев. *Довмонтов писец*, кем бы он ни был, владел наддиалектной формой русского языка, ср. эффекты второй палатализации в *девиць, послуи*, а также форму дв.ч. *учинила*. Он мог быть и носителем полоцко-смоленского диалекта, где вторая палатализация прошла. Однако конструкция *мониста... свободна взяти* для древнерусского языка нетипична сразу по трем параметрам: 1) наличие вторичного согласования: примеры (18) и (19) — единственные примеры такой структуры в выборке НКРЯ из 1054 клауз им.п. + инфинитив (0,019%); 2) интерпретации ИГ в им.п. как подлежащего модальной инфинитивной конструкции; 3) наличие адъективной/предикативной вершины, от которой зависит инфинитив, ср. абсолютное преобладание (97%) независимых клауз *вода пити, судница взяти* над клаузами, где модальный инфинитив зависит от предикатива, ср. *не надоби брати куна*, в не книжных памятниках западных и северо-западных диалектов русского языка XI–XV вв. Между тем, по свидетельству балтистов, именно эти черты характерны для литовских и латышских диалектов в последующий период (Ambrazas 2001; Seržant 2016b). Мы заключаем, что употребленная писцом Довмонта конструкция с вторичным согласованием (*кому-л.*) *мониста свободна взяти* является заимствованием из балтийских языков, с высокой вероятностью — литовского языка XIII в., либо результатом интерференции балтийских и славянских языков в зоне ли-

товско-древнерусского двуязычия. Аналогично мы интерпретируем более поздний пример (16) с плеонастическим употреблением *не надоби брати чорна куна* (ок. 1440–1447 гг.) в договоре Новгорода с Литвой, но здесь речь, скорее, идёт об интерференции двух форм старорусского языка, одна из которых — идиом Великого Княжества Литовского — испытала большее влияние литовского языка, чем другая — новгородское койне. Спорадически встречающиеся в полоцких и псковских текстах примеры употребления им.п. дополнения после деепричастий, см. (13), (17) и перфектных л-причастий, см. (8) и (9), тоже могут объясняться влиянием балтийских языков, так как эти примеры не находят соответствий в других русских диалектах XI–XV вв.

4.2. Оборот им.п + инфинитив после предикатива

Тенденции развития конструкций с безличным предикативом, судя по имеющимся описаниям, в истории русского языка и балтийских языков различны. В древнерусском языке XI–XIV вв. уже был класс безличных предикативов дативно-предикативной структуры ДПС, которые могли оформляться дат.п. лица и иметь валентность на инфинитив. Некоторые из древнерусских предикативов ДПС с модальной семантикой имеют адъективную морфологию, ср. *любо, годьно, гъже, вольно* ‘разрешено’, *добровольно*. К другой группе относятся предикативы (*не*) *надобъ, жаль, лзь, нельзь, неволя*, ср. также *немочно* (Борковский, Кузнецов 1963: 409). С течением времени число предикативов ДПС растёт, и у отдельных авторов XVI в. их число приближается к 60 (Циммерлинг 2018: 26). Тем самым, технические предпосылки для появления плеонастических модальных употреблений типа *надобе^{PREД} вода^{НОМ} тити^{INF}*, см. модель (ii), имелись уже к началу письменной истории русского языка. Однако в XI–XV вв. носители северо-западных и западных диалектов русского языка в не книжных памятниках избегали таких предложений. Единственное исключение — *не надоби брати черна куна* (ок. 1440–1447 гг.), как указано выше, может отражать литовское влияние: в этот период носители русского языка предпочитали более экономные модели *брати куна* или *надобе куна*, но не объединяли их.

Класс адъективных предикативов (исторические формы ср.р. ед.ч.) имеется в литовском языке. Ср. также лит. *gaila* ‘жаль’, которое является историческим соответствием рус. *жаль*. Напротив, лтш. *žēl* ‘жаль’, согласно (Seržant 2016a: 339), является древним (не позже XII в.) заимствованием из древнерусского языка, как и финское *sääli* ‘то же’. Сама по себе связочная модель с оформлением субъекта предикатива дат.п. или заменяющим его косвенным падежом прибалтийских финских языков (род.п. или адессив) может рассматриваться как циркумбалтийская изо-

гlossa: лит. *Man*^{DAT} (*yra*^{3P}) *gaila*^{PRED}, лтш. *Man*^{DAT} (*ir*^{3P}) *žēl*^{PRED}, фин. *Minun*^{GEN}/*Minulla*^{ADESS} *on*^{3SG} *sääli*^{PRED}, эст. *Mul*^{ADESS} *on*^{3SG} *kahju*^{PRED} (там же: 338). В латышском языке исконные формы прилагательных ср.р. ед.ч. в функции предикатива устранены, однако имеются предикативы иного происхождения, некоторые из которых являются заимствованиями из других циркумбалтийских языков, ср. лтш. *žēl* ‘жаль’ и лтш. *vajag(a)* ‘нужно’, заимствованное из ливского (Ambrazas 2001: 403). Неадъективные латышские предикативы могут управлять инфинитивом переходного глагола, пациентный аргумент которого может получать либо им.п., либо вин.п.

(26) лтш. *Aka*^{NOM}/*aku*^{ACC} *nav*^{NEG} *viegli*^{PRED} *rakt*^{INF}
 ‘Колодец^{NOM}/колодец^{ACC} не легко рыть.’ (Ambrazas 2001: 402)

Для латышского языка отмечают тенденцию к устранению дополнений в им.п. за пределами дебитивной конструкции и к замене им.п. вин.п. в позиции дополнения инфинитива (Seržant 2016b: 158). В истории литовского языка отмечаются две разные тенденции. С одной стороны, В. Амбразас, предложивший внутреннюю реконструкцию моделей с предикативом в литовских диалектах, признал структуру с согласуемым прилагательным *saldus* ‘сладкий’, управляющим обстоятельственным инфинитивом лит. *pienas*^{NOM} [_{AdjP} *saldus*^{ADJ.NOM} [_{InfP} *gerti*^{INF}]] первичной по отношению к структуре с несогласуемым предикативом ср.р. *saldū* — лит. *pienas*^{NOM} *saldū*^{PRED} *gerti*^{INF}, где ИГ в им.п. однозначно интерпретируется как дополнение. Такие конструкции, согласно В. Амбразасу, особенно характерны для восточных аукштайтских диалектов, где дополнение в им.п. чаще стоит после инфинитива, а инфинитив в предложениях типа (26) опущен быть не может. Такая же дистрибуция характерна и для адъективной по происхождению формы *linksma* ‘весело’, и для употребляемых предикативно наречий *gerai* ‘приятно, хорошо’, *ankski* ‘рано’, *gana* ‘достаточно’ (Ambrazas 2001: 402).

(27) Лит. диал. *Linksma*^{PRED}/*gerai*^{PRED}/*ankski*^{PRED}/*gana*^{PRED} [_{InfP} *skini*^{INF} *obuolai*^{NOM.PL}]¹².
 ‘Весело/хорошо/рано/хватит **рвать яблоки.**’

С другой стороны, И. Сержант (Seržant 2016b: 158), говоря о развитии литовского литературного и разговорного языка в XX–XXI вв., отмечает непродуктивность конструкций с им.п. дополнения в зависимой инфинитивной клаузе, в том числе, вводимой несогласуемым предикативом или безличным глаголом *reikėti* ‘нуждаться’, ср. арх. лит. *reikia*^{3SG}

¹² Пример В. Амбразаса (Ambrazas 2001, нотация наша — *A. II.*).

šienas^{NOM} *grėbti*^{INF} ‘надо сгрести сено’, где дополнение зависимого инфинитива в современном языке оформляется вин. п.

Можно заключить, что реконструируемое для литовского языка и/или древних балтийских языков дописьменного периода исходное состояние конструкций с оборотом им.п. + инфинитив в зависимой клаузе, вводимой согласуемым прилагательным/несогласуемым предикативом, не соответствует тому состоянию, которое демонстрируют первые письменные памятники северо-западного и западного диалектов русского языка к 1100–1200 гг. Во-первых, в не книжных памятниках данных диалектов до 1440 гг. вообще нет примеров употребления конструкции *вода нуту* в зависимой клаузе, а единственное исключение — пример (16) — обнаруживается в грамоте договора Новгорода с Литвой, которая может прямо или опосредованно отражать влияние литовского языка или русскоязычного идиома Великого Княжества Литовского в зоне литовско-русского двуязычия. Во-вторых, синтаксическая схема с несогласуемым безличным предикативом ДПС типа *вольно, не надобе* зафиксирована уже к началу письменной истории древнерусского языка, но схемы *N_{DAT} — PRED* и *N_{NOM} — INF* до 1440 г. в не книжных памятниках русского языка не объединяются. В-третьих, ИГ в им.п. в конструкции *вода нуту* в письменной истории русского языка изначально имеет синтаксический статус дополнения, а не подлежащего, а спорадические колебания типа *мониста*^{NOM} *свободна*^{ADI.NOM} *взяти*^{INF}, см. (25) и *вода*^{NOM} *их нуту*^{INF} *сладка*^{ADI.NOM} *вельми и студена*^{ADI.NOM}, см. (19), наоборот, связаны с нехарактерными для не книжных русских памятников употреблениями оборота им.п. + инфинитив в зависимой клаузе. Вместе с тем, предложенная В. Амбразасом внутренняя реконструкция *pienas*^{NOM} *saldus*^{ADI.NOM} *gerti*^{INF} ⇒ *saldu*^{PRED} *pienas*^{NOM} *gerti*^{INF}, где вариант с согласованием признается исконным, неплохо объясняет древнерусские примеры (25) и (19) а, возможно, более поздний пример (18). Сходство предложений типа лит. *pienas saldus gerti* и др.рус. *вода их нуту сладка, мониста свободна взяти* очевидно, но древнерусские примеры следует интерпретировать не как реликтовый фрагмент индоевропейского синтаксиса, а как сравнительно поздний случай литовского влияния на пограничные диалекты русского языка XIII–XV вв.

4.3. Лексический охват балтийских конструкций им.п. + инфинитив

В современном литовском языке конструкция им.п. + инфинитив в независимых клаузах, согласно (Seržant 2016b: 158), регулярно встречается только при четырех глаголах восприятия — *matyti* ‘видеть’, *regėti* ‘видеть, зреть’, *girdėti* ‘слышать’ и *justi* ‘ощущать, чують’. Подстановка других глаголов, ср. *užuosti* ‘чують, учують’, *apčiopti* ‘почують, нашу-

пать’, невозможна. Это значит, что валентность на им.п. в инфинитивной конструкции является лексически заданным свойством, а класс переходных глаголов, допускающих/требующих оформления дополнения инфинитива им.п., в литовском языке не пополняется.

В восточнолитовских аукштайтских диалектах отмечены и конструкции с переходными глаголами иной семантики: в настоящем времени связка *yra* факультативна (Ambrazas 2001: 393).

(28) Лит. диал.

- a. [_{DP} **Tos bulvės**]^{NOM.PL.F} (*yra*^{3P}) *sodinti*^{INF}, o **anos**^{NOM.PL.F} *valgyti*^{INF}
 ‘Этот картофель надо сажать, а тот — есть.’, букв. ‘эти картошки — сажать, а те — есть.’
- b. O [_{DP} **ta lazdelė**]^{NOM.F} *bus*^{3FUT} *pasiremti*^{INF}.
 ‘А на эту палочку надо опираться.’

В. Амбразас не сообщает, есть ли у предложений типа (28) варианты, расширенные дат.п. лица. Такие варианты встречаются в древнерусских памятниках, ср. двинскую грамоту XV в.:

- (29) **Семену**^{DAT} *городити*^{INF} [_{DP} **перегорода середняя**]^{NOM.F} до вз(в)оз[а],
Григорию^{DAT} *городити*^{INF} [_{DP} **перегорода заовинная**]^{NOM.F}.
 (ГВНП: № 262 [Двина], XV в.)

‘Семену следует ставить среднюю перегородку до взвоза, Григорию следует ставить заовинную перегородку.’

В жемайтских диалектах в конструкции с глаголом восприятия инфинитив может быть заменен причастием, в последнем случае ИГ в им.п. контролирует согласование (Ambrazas 2001: 395).

(30) Лит. диал. (Скуодас).

- a. [_{DP} **Sodnas didelys**]^{NOM.M} *yr*^{3P} *matyti*^{INF}.
 ‘Можно видеть большой сад’, букв. ‘сад большой есть видеть’.
- b. [_{DP} **Sodnas didelys**]^{NOM.M} *yr*^{3P} *matoms*^{PP.NOM.M}.
 ‘то же’, букв. ‘сад большой есть увиденный.’

Предложения с обстоятельственным инфинитивом есть и в древнерусском, но ни в плане общего синтаксиса, ни в плане дистрибуции в текстах их нельзя признать вариантами конструкции *вода нить*. К тому же, древнерусские памятники XI–XV вв. в соответствующей позиции предпочитают вин.п. и в зависимой, и в независимой клаузе. Ср. путевые заметки Стефана, новгородца XIV в.:

- (31) а. *И на верху его сѣдитъ Иустинианъ Великы на конѣ велми чюдень: аки живъ, в доспѣсѣхъ сороцинском, грозно^{PREД} видѣти^{INF} его^{ACC}* (Хождение Стефана Новгородца, 1348–1348 гг.)
 ‘А наверху на коне сидит Юстиниан Великий, дивен видом, словно живой, в сарацинских доспехах, вид у него грозный.’,
 букв. ‘страшно видеть его’.
- б. *видети^{INF} в них человекъ^{DAT} [DP лица своего образ]^{ACC}, аки в зеркало* (Хождение Стефана Новгородца, 1348–1348 гг.)
 ‘В них человек может видеть отражение своего лица, словно в зеркале.’

В своем тексте Стефан 23 раза использует независимые инфинитивные предложения, рассказывая, куда надо идти и что можно посмотреть в Царьгарде. В 16 клаузах глагол является непереходным, ср.: *обратитися^{INF} на западъ* и *възрѣти^{INF} горѣ на двери: ту стоит икона святы Спась*. Из семи клауз переходных глаголов в двух примерах дополнение инфинитива выражено местоимением, см. (31а). В этом случае в древнерусском языке, в отличие от балтийских языков, им.п. невозможен. В пяти примерах форма дополнения выражена ИГ: в четырех примерах морфологическая форма амбивалентна между вин.н. и им.п. В единственном примере с существительным ж.р. ед.ч. Стефан поставил дополнение в им.п. В контексте (32) *та и до нынѣ та кровь знати* означает ‘следы той крови видны их и по сей день’, ‘следы той крови можно распознать и сейчас’, т.е. *знати* выступает как глагол восприятия/познания на основе визуальных данных.

- (32) *ту же близ икона в киотѣ святы Спась, в ню же ножем удари неврѣный и поиде от иконы кровь. Тожже и до нынѣ [DP кровь та]^{NOMF} знати, и цѣловахом, грѣшиши.*
 (Хождение Стефана Новгородца, 1348–1348 гг.)

‘Там же рядом есть икона святого Спаса в киоте: неверный ударил её ножом, и от иконы пошла кровь. Ту кровь можно распознать и поныне, и я, грешный, её целовал.’

Текст Стефана непосредственно подтверждает две вещи: 1) В XIV в. в речи некоторых образованных носителей позднерусского языка одновременно были представлены и конструкция с обстоятельственным инфинитивом, и конструкция *вода тити*; 2) В новгородском диалекте им.п. конструкция *вода тити* употреблялась при глаголах разной семантики и в текстах разного жанра. Но это не доказывает, что конструкция с обстоятельственным инфинитивом и конструкция *вода тити* являются вариантами друг друга. Пересечение этих конструкций на русской почве минимально. Напротив, в литовских диалектах,

где лексический охват конструкции им.п. + инфинитив меньше, они сохраняют или развивают системные связи, особенно — в жемайтских диалектах, см. примеры (30), где инфинитив и причастие в конструкции с глаголом восприятия взаимозаменяемы.

4.4. Порядок компонентов конструкции им.п. + инфинитив и коммуникативный статус ИГ в им.п.

В ранних работах препозиция ИГ в им.п. инфинитиву рассматривалась как подтверждение синтаксического статуса подлежащего. Для балтийских языков такой подход имеет определенный смысл для анализа зависимых клауз, где инфинитив зависит от прилагательного, предикатива или глагола. В древнерусском языке ИГ им.п. в конструкции *вода пити* является дополнением как при порядке VO, так и при порядке OV. И. Сержант на выборке из 570 клауз рассмотрел соотношение вариантов VO ~ OV в том подтипе конструкции им.п. + инфинитив, который остался продуктивным в современном литовском языке — обороты с глаголами *matyti* 'видеть' и *girdėti* 'слышать': в 81, 58% случаев реализуется порядок VO, где номинативное дополнение имеет статус «фокуса» (Seržant 2016b: 159–160). Последний термин расплывчат, но обычно в типологической литературе он соответствует двум разным коммуникативным статусам — реме высказывания и нетождественному с ремой значению контраста, о последнем (см. Янко 2008: 73). В работе (Ронько, Циммерлинг 2015) была выдвинута гипотеза о том, что в древнерусском языке и тех диалектах русского Севера, где конструкция *вода пити* сохранилась, дополнение в им.п. обычно выражает именно эти два коммуникативных статуса как при порядке VO, так и при порядке OV, а постановка дополнения инфинитива в вин.п. может быть связана с коммуникативным статусом неконтрастной темы. Порядок OV (*вода пити*) данная гипотеза объясняет характерным для языков с линейно-акцентными преобразованием типом инверсии — перемещением акцентоносителя ремы/контраста левее синтаксической вершины, т.н. Left Focus Shift (Циммерлинг 2008):

(ix) $nuti^{\circ} \swarrow \text{вода} \Rightarrow \swarrow \swarrow \text{вода}_i \text{ пити}^{\circ} \text{ —}_i$

Статистика линейных порядков VO ~ OV на базе старорусского корпуса НКРЯ и её возможные типологические интерпретации обсуждаются в: Циммерлинг 2019: 328–330. В данной статье мы ограничимся статистикой порядков VO ~ OV в той же выборке не книжных памятников северо-западного и западного диалектов русского языка XIII–XV вв., синтаксическая спецификация которых дана выше в таб. 1.

Таб. 2. Постпозиция и препозиция дополнения в им.п. в конструкции *вода тити* в северо-западном и западном диалектах русского языка в XIII–XV вв.

	%	Полоцкий диалект	Псковский диалект	Новгородский диалект				Обонежье	Двина	Всего
				Бер.гр.	Внутр. упр.	Договора с Западом	Договора с Москвой			
NOM +	VO	2	12	0	0	9	4	1	7	35
INF	OV	10	23	3	2	8	6	2	4	58
NOM +	VO	0	0	0	0	0	0	0	0	0
GER	OV	0	2	0	0	1	0	0	0	3
NOM +	VO	2	0	0	0	0	0	0	0	2
PART	OV	0	0	0	0	0	0	0	0	0
NOM +	VO	0	0	0	0	0	0	0	0	0
IMP	OV	0	0	1	0	0	0	0	0	1
NOM +	VO	0	0	0	0	0	0	0	0	0
V _{FIN}	OV	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Итого:										100

Таб. 2 показывает, что в инфинитивных клаузах доля примеров с препозицией дополнения в им.п. составляет 62,4% (58 клауз из 93). Употребления им.п. дополнения после деепричастия, причастий, императива и временной формы финитного глагола не дают репрезентативной статистики, хотя препозиция дополнения преобладает и здесь (5 примеров из 7). С учетом этих маргинальных примеров общий процент препозиции дополнения в выборке равен 65% (65 клауз из 100).

5. Внутренняя реконструкция и ареальная типология

В 1974 г. А. Тимберлейк, с учетом более ранних наблюдений В. Кипарского (Kiparsky 1960; 1969) и Б. А. Ларина (Ларин 1963), обосновал гипотезу о том, что конструкция *вода тити* в балтийских и славянских языках есть грамматическое заимствование из субстратных прибалтийско-финских языков — дополнение переходного глагола оформляется им.п. не в любой позиции, а именно в нефинитной клаузе (Timberlake 1974). Такая трактовка актанта инфинитива делает допущение о его синтаксической неоднозначности либо о реанализе искомого подлежащего как дополнения (Потебня 1958) излишней. Вынесенный в заглавие книги А. Тимберлейка термин *nominative object*, указывающий на отсутствие необходимой связи между выбором высшей в иерархии морфологических падежей формы прямого падежа и статусом подлежащего, позже был освоен типологией и теорией грамматики (Woolford 2003).

В. Амбразас соединяет гипотезу Тимберлейка с традиционной для индоевропеистики гипотезой о реанализе подлежащего обстоятельного инфинитива как дополнения, утверждая, что они справедливы по отношению к разным периодам истории балтийских и славянских языков (Ambrazas 2001: 405–408). По его мнению, условия для грамматического заимствования из субстратных прибалтийско-финских языков возникли в V–VII вв. н.э., при этом на западные диалекты литовского языка, особенно — на жемайтские, субстратное влияние распространилось в меньшей степени, в связи с чем жемайтские конструкции с обстоятельным инфинитивом глагола восприятия типа (30) можно признать реликтами индоевропейского синтаксиса (там же: 406). Фактором, способствующим большей диахронической стабильности им.п. дополнения в литовских диалектах по сравнению с латышскими, признаётся сохранение конструкций с предикативами или безличными глаголами, имеющими валентность на инфинитив (там же: 407).

С экстраполяцией такого подхода на историю древнерусской конструкции *вода тити* трудно согласиться без существенных оговорок. Даже если допустить, что грамматика нефинитных клауз в послуживших донорами заимствования прибалтийско-финских языках была совершенно одинакова на территории от Немана от Печоры, грамматика заимствующих балтийских языков и северных/западных диалектов древнерусского языка неодинакова. К началу письменной истории новгородского, псковского и полоцко-смоленского диалектов модальная конструкция *вода тити* полностью грамматикализована при переходных глаголах любой семантики: к 1100 г. лексические ограничения на выбор глагола отсутствуют, а стандартный контекст употребления связан с независимыми инфинитивными клаузами. Ничего подобного те литовские и латышские диалекты, где зафиксированы обороты им.п. + инфинитив, не показывают. Семантической параллелью к русской конструкции *вода тити* является финитная конструкция дебитива в литературном латышском языке, но ровно эта конструкция признаётся в балтистике инновацией. С учётом географического положения латышского языка стоит в качестве возможного внешнего фактора изучить влияние не только соседних прибалтийско-финских языков (ливский, эстонский), но и диалектов русского языка (полоцкий, псковский). Диахроническая стабильность конструкции им.п. + инфинитив в части восточнолитовских диалектов связывается с возможностью употребить её во вложенной клаузе после предикатива и безличного глагола. Между тем, в XII – первой половине XIV вв. в некнижных памятниках новгородского, псковского и полоцко-смоленского диалектов модели *надобе воду/вода* и *вода тити* не объединяются. В общей выгрузке конструкции *вода тити* для этой группы диалектных русских памятников XIII–XV вв. лишь три примера из 100

связаны с употреблениями оборота им.п. + инфинитив после модального предикатива или безличного предикатива, причем все три примера связаны с диалектами, находящимися в зоне литовского-древнерусского двуязычия и могут отражать позднее влияние балтийского синтаксиса.

Конструкция с обстоятельственным инфинитивом *пашня поспѣла пахать*, где актант в им.п. контролирует вторичное согласование, в истории русского языка не является вариантом конструкции с им.п. дополнения — *пашня пахать*. Иная интерпретация предлагается балтистами, при этом наблюдаемые в литовских и латышских диалектах системные связи между обстоятельственной и актантной инфинитивной конструкциями некритически проецируются на славянские языки. Последние в плане синтаксиса инфинитивных оборотов делятся на две группы: 1) северо-западные и западные диалекты русского языка, где модальная конструкция *вода тити* есть; 2) все прочие славянские диалекты, где соответствующей конструкции нет. На протяжении более чем 600-летней письменной истории русских диалектов первой группы переход конструкции с обстоятельственным инфинитивом в конструкцию с актантным инфинитивом не прослеживается: сближения типа (18) и (19) либо случайны, либо являются результатом литовского влияния на пограничные идиомы позднедревнерусского языка второй половины XII–XV вв., см. пример (25).

Закрепление заимствования требует поддержки внутриязыковых факторов. Таковым для балтийских и славянских языков было отсутствие корреляции между выбором им.п. и синтаксическим статусом подлежащего, а для балтийских языков также — системные связи между инфинитивными и иными нефинитными конструкциями с модальной семантикой: значимость последнего фактора для эволюции русской конструкции *вода тити* не доказана. Кроме того, в разные периоды истории балтийских и славянских языков восстанавливаются тенденции и механизмы, облегчающие интерпретацию актанта в им.п. как дополнения. Для истории русского языка релевантным фактором было развитие категории одушевленности и перестройка падежных оппозиций им. п. vs. вин.п., вин.п. vs. род.п., в силу чего морфологически однозначные формы им.п. неодушевленных существительных на *-а* могли интерпретироваться как несубъектные (Крысько 1994: 194–196).

То, что лексический охват конструкции им.п. + инфинитив в славянских языках оказался больше, чем в балтийских, может объясняться разными причинами, в том числе — различиями в грамматике прибалтийско-финских языков-доноров и тем, что северные и западные диалекты древнерусского языка оказались в зоне более интенсивных межъязыковых контактов, чем большинство балтийских диалектов. Нельзя исключить и того, что население северо-западных и западных рус-

ских земель в дописьменный период было креолизованным. Обоснование этих гипотез не входило в задачи нашей статьи. Неясно также, доказуемы ли они строго. Однако для прогресса славистики и балтистики, полезно пересмотреть догму о том, что схождения в синтаксисе родственных и географически близких индоевропейских языков предопределены общностью моделей предложения, унаследованных из праязыка. Сходство поверхностно-синтаксических схем инфинитивных предложений древнерусского языка и балтийских языков мешает оценить различия в их функционировании и установить вероятные случаи направленного влияния одних циркумбалтийских языков на другие.

Благодарности

Я благодарю рецензентов журнала и аудиторию конференции «Территория Balto-Slavica сквозь призму языка и литературы» (14.05.2019) и персонально П. М. Аркадьева, С. Г. Болотова, Н. Н. Казанского и В. П. Казанскене за ценные комментарии. Я также выражаю благодарность А. В. Дыбо, Н. В. Марковой и А. В. Тер-Аванесовой, которые имели возможность ознакомиться с фрагментами данного исследования и высказать мне свои замечания. Вся ответственность лежит на авторе.

СОКРАЩЕНИЯ

- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего извода. Цит. по: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / отв. ред. М. Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. Б. гр. — Берестяные грамоты: <http://gramoty.ru/>.
- Вопр. Кир. — Вопрошаніе Кириково. Цит. по: Русская историческая библиотека. Т. 6-й. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1-я (Памятники XI–XV в.) / [Под ред. А. С. Павлова.] Изд. 2-ое. Спб., 1908.
- П. гр. — Полоцкие грамоты. Цит. по: А. Л. Хорошкевич (отв. ред.). Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Т. 1 Тексты грамот. Приложение. Указатели. М., 2015.
- Смол. А. — Смоленская грамота 1229 г., редакция «А». Цит. по: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
- Ст. Рус. — Старая Русса: <http://gramoty.ru/birchbark/document/list/?requestId=&number=&conventionalDateInitialYear=1020&conventionalDateFinalYear=1500&town%5B%5D=10>.
- Студ. — Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века / под. ред. Б. А. Успенского. Т. II. М., 2006.

ЛИТЕРАТУРА

- Боголюбова, Таубенберг 1960 — *Н. Д. Боголюбова, Л. И. Таубенберг. О древнерусских памятниках XIII–XIV вв. Рижского городского*

- архива // Латвийский государственный университет имени Петра Стучки. Ученые записки, том XXXVI, вып. 6А, 1960.
- Борковский 1949 — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.
- Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Вайс 1993 — Д. Вайс. Двойные глаголы в современном русском языке // F. Fici Giusti, S. Signorini (Hrsg.) Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация / Slavistische Beiträge. München–Berlin–Washington D. C., 1993. Bd. 305.
- ГВНП — С. А. Валк (ред.). Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.
- Даниленко 2003 — А. I. Даниленко. Предикати, відмінки і діатези в українській мові: історичний і типологічний аспекти. Харків, 2003.
- Живов 1984 — В. М. Живов. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII века // Russian Linguistics, Vol. 8, № 3, 1984.
- Живов 2006 — В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Котков 1959 — С. И. Котков. Конструкция типа *земля пахать* в истории южновеликорусских говоров // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка 18, 1959.
- Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
- Кузьмина, Немченко 1964 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Р. И. Аванесов (ред.). Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.
- Кузьмина, Немченко 1971 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Ларин 1963 — Б. А. Ларин. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе // Lietuvių kalbotyros klausimai 6, 1963.
- Ларин 1975 — Б. А. Ларин. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.
- Маркова 1989 — Н. В. Маркова. Диалектные способы выражения субъекта и объекта в Онежских говорах и их история. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1989.
- Поповъ 1881 — А. В. Поповъ. Синтаксическія изслѣдованія. Именительный, звательный и винительный въ связи съ исторіей развитія заложныхъ значеній и безличныхъ оборотовъ въ санскритѣ, зендѣ, грече-

- скомь, латинскомь, нѣмецкомь, литовскомь, латышскомь и славянскихъ нарѣчїяхъ. Воронежъ, 1881. [Перепечатано в: *А. В. Попов*. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках. М., 2012.]
- Попова 2017 — *А. В. Попова*. Конструкция типа *вода пити* по данным московских памятников XVI – начала XVIII в. // *Русский язык в научном освещении* 1 (33), 2017.
- Потебня 1958 — *А. А. Потебня*. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- Потебня 1968 — *А. А. Потебня*. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения. М., 1968.
- ПСГ — Псковская Судная Грамота (1397–1467 гг.). Подлинная и въ переводѣ на современный языкъ съ примѣчанїями по установленїю переводнаго текста / Сост. И. И. Василевъ и И. А. Кирпичниковъ. Изданїе Псковскаго археологическаго общества. Псковъ, 1896.
- Ронько 2016 — *Р. В. Ронько*. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // *Русский язык в научном освещении* 1 (31), 2016.
- Ронько 2017 — *Р. В. Ронько*. Надо *корова доить!* Номинативный объект в севернорусских диалектах // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* 13(3), 2017.
- Ронько, Циммерлинг 2015 — *Р. В. Ронько, А. В. Циммерлинг*. Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и древнерусском языке // *Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки*. 2015, No. 1.
- Соболевскій 1907 — *А. И. Соболевскій*. Лекціи по исторїи русскаго языка. М., 1907.
- Станишева 1966 — *Д. С. Станишева*. Конструкция типа *земля пахать* в системе синтаксических средств восточнославянских языков // *Slavia* 35, 1966.
- Степанов 1984 — *Ю. С. Степанов*.оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // *Известия ОЛЯ. Серия литературы и языка* 43(2), 1984.
- Степанов 1989 — *Ю. С. Степанов*. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Успенский 2006 — *Б. А. Успенский*. Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века / под. ред. Б. А. Успенского. Т. II. М., 2006.
- Хорошкевич 2015 — *А. Л. Хорошкевич* (отв. ред.). Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Т. 1 Тексты грамот. Приложения. Указатели. М., 2015.
- Циммерлинг 2008 — *А. В. Циммерлинг*. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные*

- технологии, вып. 8 (15). Труды международной конференции «Диалог 2008». М., 2008.
- Циммерлинг 2018 — А. В. Циммерлинг. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания, 2018, № 5.
- Циммерлинг 2019 — А. В. Циммерлинг. Кому *проспати заутрeня* и *ловити рыба*: именной падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания // Die Welt der Slaven, № 2, 2019.
- Шахматов 1941 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи. М., 2008.
- Ambrazas 1987 — V. Ambrazas. Die indogermanische Grundlage des Dativus und Nominativus cum infinitive im Baltischen // Indogermanische Forschungen 92, 1987.
- Ambrazas 2001 — V. Ambrazas. On the development of the nominative object in East Baltic // Circum-Baltic languages. Vol. II: Typology and Grammar. Amsterdam, Philadelphia, 2001.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — O. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Circum-Baltic languages. Vol. II: Typology and Grammar. Amsterdam, Philadelphia, 2001.
- Dunn 1982 — J. A. Dunn. The nominative and infinitive construction in Slavonic languages // The Slavonic and East European Review 60, 1982.
- Hoelvoet 2001 — A. Hoelvoet. Studies in the Latvian Verb. Kraków, 2001.
- Kiparsky 1960 — V. Kiparsky. Über das Nominativobjekt des Infinitivs // Zeitschrift für slavische Philologie 28, 1960.
- Kiparsky 1969 — V. Kiparsky. Das Nominativobjekt des Infinitivs im Slavischen, Baltischen und Ostseefinnischen // Baltistica 5, 1969.
- Kozhanov, Arkadiev 2020 — K. Kozhanov, P. Arkadiev. Non-agreement of passive participle in South-East Lithuanian // Baltic linguistics, 11, 2020.
- Porák 1967 — J. Porák. Vývoj infinitivních vět v češtině. Praha. 1967.
- Seržant 2016a — I. A. Seržant. Dative experiencer constructions as a Circum-Baltic isogloss // P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.). Contemporary Approaches to Baltic Linguistics. De Gruyter, 2016.
- Seržant 2016b — I. A. Seržant. Nominative Case in Baltic in the Typological Perspective // A. Holvoet, N. Nau (eds.). Valency, Argument Realization and Grammatical Relations in Baltic, 3. Amsterdam, Philadelphia, 2016.
- Timberlake 1974 — A. Timberlake. The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic. München, 1974.
- Woolford 2003 — E. Woolford. Burzio's Generalization, Markedness and Locality Constraints on Nominative Objects // E. Brandtner, H. Zinsmeister (eds.). New Perspectives in Case Theory. Stanford, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексей Викторович Андронов ✉: baltistica@gmail.com
кандидат филологических наук, главный библиотекарь
Отдела национальных литератур Российской национальной библиотеки
(Санкт-Петербург)

Петр Михайлович Аркадьев ✉: alpgurev@gmail.com
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института
славяноведения РАН, профессор Института лингвистики РГГУ (Москва)

Сергей Григорьевич Болотов ✉: baltaitis@yandex.ru
научный сотрудник Института мировой культуры
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Оярс Бушс (Ojārs Bušs)

хабилитированный доктор филологии, главный научный сотрудник,
зав. отделом ономастики, зам. директора по научной работе
Института латышского языка Латвийского университета (Рига, Латвия)

Марина Михайловна Валенцова ✉: mvalent@mail.ru
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва)

Андрей Иванович Даниленко (Андрій Іванович Даниленко)
доктор филологических наук, ✉: adanylenko@pace.edu
сотрудник Украинского Научного Института при Гарвардском университете;
полный профессор кафедры современных языков и культур
Университета Пейс (Нью-Йорк, США)

Олег Иванович Дзярнович (Алег Іванавіч Дзярновіч)
кандидат исторических наук, доцент, ✉: aleh.dziarnovich@gmail.com
ведущий научный сотрудник Института истории НАН Белоруссии (Минск)

Пьетро Умберто Дини (Pietro Umberto Dini) ✉: pietro.dini@unipi.it
хабилитированный доктор филологии,
профессор Пизанского университета (Пиза, Италия)

Анна Владимировна Дыбо ✉: adybo@mail.ru
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, зав. Отделом урало-
алтайских языков Института языкознания РАН; ведущий научный сотрудник
Центра компаративистики Института восточных культур РГГУ (Москва)

Владимир Антонович Дыбо ✉: vdybo@mail.ru
академик РАН, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Мария Вячеславовна Завьялова ✉: mariazavyalova@gmail.com
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института
славяноведения РАН (Москва)

- Николай Николаевич КАЗАНСКИЙ** ✉: nkazansky@iling.spb.ru
академик РАН, доктор филологических наук, научный руководитель
Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург),
профессор филологического факультета Санкт-Петербургского
университета; главный научный сотрудник РГГУ
- Янина Курсите (Janīna Kursīte-PAKULE)** ✉: kursite@hotmail.com
академик Академии наук Латвии, хабилитированный доктор филологии,
профессор гуманитарного факультета Латвийского университета
(Рига, Латвия)
- Нийоле Лауринкене (Nijolė Laurinkienė)** ✉: nlaurinkiene@yahoo.com
хабилитированный доктор гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник
Института литовской литературы и фольклора (Вильнюс, Литва)
- Евгения Львовна Назарова** ✉: ezis08@gmail.com
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва)
- Никита Викторович Супрунчук (Мікіта Віктаравіч Супрунчук)**
кандидат филологических наук, ✉: ms@philology.by
доцент Минского государственного лингвистического университета
(Минск, Беларусь)
- Светлана Михайловна Толстая** ✉: smtolstaya@yandex.ru
академик РАН, доктор филологических наук, зав. Отделом этнолингвистики
и фольклора Института славяноведения РАН (Москва)
- Антон Владимирович Циммерлинг** ✉: fagraey64@hotmail.com
доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва)

Научное издание

Балто-славянские исследования

XXI

Сборник научных трудов

Подписано в печать 30.12.2021.

Формат 60×90¹/₁₆.

Гарнитуры:

Times New Roman

© 2020 The Monotype Corporation (Monotype Imaging, Inc.)

(дизайн: Monotype Type Drawing Office — Stanley Morison, Victor Lardent, 1932).

Їзнітса © 2009 ParaType, Inc.

(дизайн: НПО «Полиграфмаш» — Светлана Ермолаева, 1988)

Печ. л. 26,88. Усл. печ. л. 27. Уч.-изд. л. 25,47.

Бумага офсетная. Офсетная печать.

Тираж 300 экз.

Заказ № XXXX.

Отпечатано с электронной версии в типографии

ППП «Типография „Наука“» РАН.

121099, г. Москва, Г-99, Шубинский переулок, д. 6, стр. 1.

☎: +7-495-276 75 81 (общ.); +7-495-276 11 57, доб. 4444 (зак.).

Сайт: <http://tnauka.ru>; ✉: tnauka@naukaran.com.